

DOI 10.35775/PSI.2025.70.5.014

УДК 32.327

Н.А. ИСЛОМОВА

аспирант Дипломатической академии
МИД РФ, Россия, г. Москва

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: РОЛЬ ШОС И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Статья исследует роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в формировании евразийской интеграционной архитектуры, фокусируясь на стратегических интересах России. Через призму теорий международных отношений (реализм, либеральный институционализм) анализируются противоречия между декларируемым полицентризмом ШОС и доминированием России и Китая. Эмпирическая база включает кейсы расширения организации, статистику торговых потоков и экспертные оценки. Результаты демонстрируют, что ШОС служит России инструментом балансирования против западных альянсов, но сталкивается с вызовами внутренней конкуренции, а также анализирует потенциал ШОС как ключевого института евразийской интеграции в условиях формирования полицентричного мирового порядка. Рассматриваются роль России в укреплении многостороннего диалога, противоречия между экономическими и геополитическими интересами участников, перспективы реализации инфраструктурных и энергетических проектов. Особое внимание уделено взаимодействию ШОС с ЕАЭС, инициативам в сфере безопасности и цифровизации, вызовам, связанным с конкуренцией внутри организации.

Ключевые слова: ШОС, евразийская интеграция, Россия, Китай, безопасность, ЭПШП, полицентризм.

По мере того, как глобальный порядок становится все более фрагментированным и возникают новые геополитические альянсы, ШОС сталкивается с растущим давлением, требующим преобразования из преимущественно региональной организации в более стратегический орган (1). Эта трансформация потребует более пристального внимания к таким вопросам, как укрепление доверия, координация мер реагирования на вызовы безопасности и налаживание диалога по военным вопросам и оборонному сотрудничеству – областям, в которых организация исторически проявляла сдержанность из-за различий в доктринах безопасности и угрозах между государствами-членами.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Однако проблему развития потенциала ШОС как ключевого института евразийской интеграции в условиях формирования полицентричного мирового порядка нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных

обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Продолжающееся расширение Шанхайской организации сотрудничества вносит два важных аспекта в ее стратегическую направленность. Во-первых, принятие Исламской Республики Иран знаменует качественный сдвиг в географическом и политическом охвате организации. С вступлением Ирана в организацию ШОС неизбежно оказалась втянутой в решение более широкого круга вопросов региональной (1) безопасности, особенно связанных с Ближним Востоком. Это, во-первых, привело к тому, что вопросы транснационального терроризма, незаконного оборота оружия и соперничества радикальных группировок за власть заняли видное место в повестке дня организации, что потребовало переоценки стратегических приоритетов и механизмов сотрудничества.

Во-вторых, усиление конфронтации России с Западом, особенно после обострения украинского кризиса, в сочетании с углублением взаимодействия между Шанхайской организацией сотрудничества и Беларусью указывает на растущую тенденцию к рассмотрению конкретных аспектов европейской безопасности.

Из-за разногласий с западными странами по поводу ситуации на Украине Россия была лишена основного источника развития и модернизации, на который она опиралась в течение последних трех десятилетий. Санкции и надвигающийся экономический кризис вынудили Россию искать альтернативные пути роста и сокращения издержек. Одним из таких путей является евразийская экономическая интеграция, которая потенциально может снизить транзакционные издержки и повысить эффективность экономик-участниц. Еще одним важным аспектом стратегии России является сотрудничество с Китаем, поскольку цель соединения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийской экономической интеграции делает Китай ключевым игроком в этих усилиях.

До ухудшения отношений с Западом евразийская интеграция оставалась в тени взаимодействия с Европейским союзом. В центре внимания внешнеполитических дискуссий были улучшение отношений с ЕС, расширение торговли и укрепление культурных связей. Хотя это были не единственные варианты, они были важными. Европейский союз полагается на российские ресурсы и рынки, а Россия уже давно является крупным потребителем европейских технологий. Граждане России привыкли вести бизнес в европейских странах, и существует тесная взаимосвязь в сфере образования и культуры.

Тем не менее, недавняя экономическая взаимозависимость, которая способствовала урегулированию разногласий, оказалась недостаточной для предотвращения глубокого политического кризиса. Другие механизмы сотрудничества, такие как Совет Россия-НАТО, ОБСЕ и Совет Европы, также потерпели неудачу. Страны ЕС и западного альянса остаются в числе приоритетов России, но теперь в негативном свете – как источники напряженности, требующие энергии и ресурсов для преодоления. Мы являемся свидетелями борьбы за власть, которая может перерасти в новую гонку вооружений с обеих сторон. Это является значительным бременем для экономики. Волатильность на мировых

финансовых рынках и валютных курсах, снижение цен на нефть и девальвация рубля являются дополнительными негативными факторами для экономики.

В этом контексте Россия сталкивается со значительными трудностями. Экономика страны страдает от множества негативных факторов, включая санкции, технологическую отсталость [15], зависимость от экспорта монокультуры и ограниченный доступ к кредитам. Однако эти обстоятельства вынуждают нас искать новые пути роста и повышать эффективность нашей деятельности.

Многие области, которые ранее считались чисто теоретическими, теперь требуют пристального внимания, такие как евразийская интеграция и поворот на Восток. Эскалация геополитических конфликтов во всем мире не только вызывает сомнения в правильности прогнозов [15], но и подчеркивает тенденции, которые будут определять будущий мировой порядок. Усиление борьбы за передел мира свидетельствует о том, что за прошедшее столетие международные отношения не претерпели существенных изменений.

Успех любой попытки применения «мягкой силы» или «международных институтов» зависит от военной и экономической мощи, баланса сил и интересов. Безопасность и стабильность наций и регионов зависят от их оборонного потенциала, доступа к стратегическим ресурсам и внутренней сплоченности стран в процессе нового перераспределения. В этом контексте евразийская интеграция означает обеспечение внутренней стабильности и самодостаточности стран региона, а не их интеграцию в воображаемый «глобальный рынок».

Траектория евразийской интеграции в ближайшие годы будет в значительной степени определяться меняющимся глобальным контекстом. Для этого будут характерны меняющиеся альянсы и растущее число полюсов в международных отношениях.

В основе этих изменений лежит продолжающаяся конфронтация между Россией и Соединенными Штатами/НАТО. Этот конфликт, который первоначально был сосредоточен на украинском кризисе, теперь перерос в более масштабную геополитическую борьбу. Это противостояние означает значительную реконфигурацию мировой власти, которая окажет непосредственное влияние на будущее евразийской интеграции. Эти события также затронут альянсы, которые лежат в основе этой интеграции.

Ослабление американского военного превосходства является важным фактором в формировании нынешнего глобального ландшафта. Исторически Соединенные Штаты занимали видное положение в мировых военных делах. Однако последние события свидетельствуют об относительном ослаблении американской мощи, особенно в традиционных зонах влияния в Европе и Азии.

Поскольку Соединенные Штаты сталкиваются с растущей конкуренцией как в военной, так и в экономической сферах, их зависимость от союзников становится все более заметной. Такие страны, как Индия, Китай и Бразилия, с их совокупным населением и экономической мощью, демонстрируют растущую независимость в своей внешней политике.

Эти страны, несмотря на свои исторические связи с западными державами или стратегическое партнерство с Соединенными Штатами, предпочли не разделять позицию Вашингтона в отношении России. Это является отражением отхода от однополярного мира, где эти страны отстаивают свои собственные стратегические интересы и не подчиняют свои решения решениям Соединенных Штатов или НАТО.

Китай, вторая по величине экономика в мире, решительно выступил против санкций, введенных Соединенными Штатами против России, и решил укрепить свой стратегический союз с Москвой. Индия, традиционно придерживающаяся нейтральной позиции, также стремится диверсифицировать свои оборонные и экономические партнерства и дистанцироваться от западного порядка в пользу более сбалансированного подхода, включающего Россию и Соединенные Штаты [16]. Аналогичным образом, Бразилия и другие страны Глобального Юга выражают растущую обеспокоенность по поводу необходимости создания многополярного мирового порядка, который не опирался бы исключительно на господство Запада.

Этот сдвиг имеет далеко идущие последствия для евразийской интеграции. Отказ нескольких стран, которые в совокупности составляют более двух третей населения земного шара, присоединиться к Соединенным Штатам в их конфликте с Россией является значительным событием в глобальной геополитике. Отвергая давление Вашингтона, эти страны заявляют о своей автономии и желании проложить новые пути сотрудничества, особенно с Россией, Китаем и другими региональными державами. Эта растущая автономия играет важную роль в формировании многополярного мира, где евразийская интеграция – это не только экономическое и политическое сотрудничество, но и изменение соотношения сил.

Будущее евразийской интеграции определяется не только отношениями России с Западом или экономическим сотрудничеством. На это также влияет более широкая глобальная тенденция к многополярности, когда страны Евразии больше не рассматривают себя как простых сателлитов западных держав, а как независимых субъектов, способных самостоятельно формировать свое будущее. Становление Китая как экономической и военной державы имеет значительные последствия для будущего евразийской интеграции. Инициатива «Один пояс, один путь» изменила экономический ландшафт региона, создав новые возможности для торговли, развития инфраструктуры и сотрудничества.

Поскольку Соединенные Штаты сталкиваются с вызовами своему глобальному военному господству, такие страны, как Китай, Индия и Россия, вероятно, продолжат играть все более активную роль в формировании евразийской интеграции. Они будут делать это через такие платформы, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества, что позволит им продвигать свои общие интересы.

Независимость этих стран от западного влияния, вероятно, будет способствовать углублению сотрудничества в различных областях, включая экономику, безопасность, политику и культуру. Это может привести к формированию

нового евразийского порядка, который в меньшей степени будет зависеть от западной гегемонии.

Напротив, альянс БРИКС набирает обороты с присоединением Египта, Турции, Саудовской Аравии и Алжира после того, как Аргентина и Иран присоединились к нему. Тем временем Соединенные Штаты активно пытаются разделить БРИКС, оказывая давление на Индию и Китай, чтобы те поддержали антироссийские санкции. В ответ БРИКС стремится создать параллельную глобальную сеть институтов, включая систему управления, финансовые системы и логистику, для противодействия мировому порядку, в котором доминирует Запад.

Другие крупные страны не заинтересованы в присоединении к БРИКС, потому что они хотят бросить вызов доминированию США и вместо этого стремятся диверсифицировать свои риски, укрепляя связи с Россией и Китаем [1]. Очевидно, что сильная Россия играет решающую роль в поддержании военной и политической стабильности в Большой Евразии. Ослабленная Россия не смогла бы быстро пресечь попытки «украинизации» Беларуси и «балканизации» Казахстана, которые могли бы привести к гражданским войнам на этих территориях.

Предыдущие геополитические проекты Соединенных Штатов, такие как «Новый шелковый путь» и «Построим лучший мир», были экономически выгодными. Однако недавние агрессивные политические действия Соединенных Штатов, направленные на дестабилизацию региона, подорвали эти усилия. Маловероятно изменение позиции Вашингтона по отношению к России и Китаю, и Россия и другие крупные страны работают над созданием независимых институтов и восстановлением своей инфраструктуры без вмешательства Запада.

Что касается евразийского интеграционного проекта, то после распада СССР Россия играла важную экономическую роль в жизни бывших советских республик. Однако ее политическое влияние было относительно ограниченным. Экономическая и политическая стабильность этих стран в значительной степени зависит от их отношений с Россией. Местные лидеры пытались умиротворить Запад, чтобы отвлечь внимание от внутренних проблем и противодействовать России. Страны региона должны устранить этот дисбаланс, установив баланс между политикой и экономикой, а также укрепив сотрудничество между их правящими элитами и Россией по вопросам внешней политики, безопасности и гуманитарным вопросам.

Вывод американских военных из Афганистана в 2021 году и растущие трудности, с которыми сталкивается НАТО в сохранении своего влияния в регионе, открыли новую эру для Центральной Азии. Исторически этот регион служил стратегической базой для сил США и НАТО, обеспечивая платформу для операций в Афганистане и в более широком регионе Южной Азии. Однако с выводом американских войск и ослаблением влияния НАТО Центральная Азия в настоящее время стремится к более тесным связям с Россией и Китаем. Шанхайская организация сотрудничества сыграла важную роль в этом процессе. С момента

своего создания организация активно содействовала региональному сотрудничеству в области безопасности, экономической интеграции, культурного обмена и инициативам по борьбе с терроризмом.

По мере того как Соединенные Штаты и НАТО уходят из определенных районов, Шанхайская организация сотрудничества становится жизненно важной платформой для обеспечения стабильности в регионе⁵. Страны Центральной Азии берут на себя ведущую роль в этих усилиях. Однако выход региона из-под влияния Запада обусловлен не только интересами России или Китая. Скорее, такие центральноазиатские страны, как Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан, рассматривают это как возможность заявить о своей независимости и проводить разнообразную внешнюю политику. Несмотря на то, что эти страны являются членами ШОС, они также стремятся поддерживать связи с Западом и региональными игроками, такими как Турция и Индия. Это стратегическое сотрудничество между странами становится все более важным, поскольку они ориентируются в противоречивых интересах России, Китая и западных держав в регионе

Для России Центральная Азия уже давно является зоной влияния. Этот регион имеет важное значение для усилий России по сохранению своего доминирующего положения на геополитическом ландшафте Евразии. Россия считает стабильность в Центральной Азии важной для своей национальной безопасности, что особенно важно для ее военной стратегии. Центральная Азия служит буфером между Россией и геополитическим давлением Запада, особенно присутствием НАТО в Восточной Европе. Поэтому Россия стремится укреплять военное сотрудничество со странами Центральной Азии через такие организации, как Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Это включает в себя оказание помощи в области безопасности, проведение совместных военных учений и обмен разведывательными данными.

Кроме того, Россия является важным экономическим партнером для стран Центральной Азии, помимо ее роли в сотрудничестве в области безопасности. Энергетика и сельское хозяйство являются двумя ключевыми областями сотрудничества: Центральная Азия поставляет природные ресурсы, а Россия экспортирует энергетические технологии и военное оборудование [13]. Однако экономические отношения между Россией и Центральной Азией стали более сложными из-за растущего экономического присутствия Китая в регионе⁶. Хрупкое равновесие между этими двумя крупными державами, каждая из которых стремится формировать будущее Центральной Азии, имеет решающее значение. Несмотря на растущее влияние Китая и России в Центральной Азии, регион стремится сохранить свою стратегическую автономию. Лидеры стран региона признают важность диверсификации своей внешней политики, поскольку чрезмерная зависимость от какой-либо одной державы, будь то Китай, Россия или Запад, может поставить под угрозу их суверенитет и стабильность [14].

Страны Центральной Азии тщательно контролируют свои взаимодействия с крупными державами через многосторонние платформы, такие как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация

сотрудничества, и активно стремятся к экономическому сотрудничеству и партнерству в области безопасности с такими странами, как Турция и Индия. Поскольку Центральная Азия становится геополитическим перекрестком между Восточной Азией, Россией и Южной Азией, интерес Индии к этому региону дает возможность странам Центральной Азии расширить свои международные связи и предложить альтернативу влиянию Китая и России с точки зрения энергетических ресурсов и торговых путей.

Заключение. Несмотря на рост евразийства в современном российском политическом дискурсе, представление о Европе и Западе в целом как о неизменном образе «Другого» России остается сильным, и некоторые ученые заходят так далеко, что утверждают о «подчиненной» нормативно-дискурсивной зависимости. В результате, хотя часто утверждается, что глубокий политический и идеологический раскол между Россией и Западной Европой исключает возможность установления тесных, «конвергентных» международных отношений, на самом деле ситуация гораздо сложнее. На самом деле, вполне вероятно предположить, что уникальная идеологическая позиция России, характеризующаяся одновременным отказом от либеральных норм и продолжающимся утверждением европейской идентичности, представляет собой не отклонение от Европы, а скорее переосмысление самой Европы. Таким образом, возникает не последовательный поворот к евразийству как таковому, а скорее фрагментация внутри европейской идеи – раскол, который Россия использует и культивирует как основу для своей собственной социально-экономической и геополитической траектории.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) World Bank. Trade Statistics of SCO. 2023.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Адилъ Е., Медеубаева Ж.** Многофакторность как определяющий фактор системы региональной безопасности в Центральной Азии // Научные статьи Казахстана // <https://articlekz.com/article/17050>.
2. **Афиногенов Д.А., Стародуб И.В.** Стратегическое планирование на пространстве Большой Евразии: научно-теоретическое осмысление проблемы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
3. **Ашихмин А.Е.** Строительство технологической экосистемы РФ и КНР в странах постсоветской Центральной Азии // Вопросы политологии. 2025. № 1.
4. **Бакиров Э.А.** Российско-Азербайджанское сотрудничество. Новые форматы (БРИКС и ШОС) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
5. **Ван Люин.** Стратегический выбор стран глобального юга в условиях глубоких изменений, невиданных за последнее столетие // Вопросы политологии. 2025. № 4.

6. **Го Шаньшань.** Россия и Китай в Центральной Азии: сравнение политики и взаимные отношения // Вопросы политологии. 2025. № 3.
7. **Медведев Н.П.** Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): основные направления деятельности (Часть II) // Вопросы политологии. 2025. № 4.
8. **Медведев Н.П.** Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): основные направления деятельности (Часть I) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.
9. **Тянь Шиюй.** Состояние российско-иранских отношений в новой ситуации // Вопросы политологии. 2025. № 1.
10. **Хоперская Л.Л.** Евразийская безопасность: концепции и инициативы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
11. **Хусаинова С.С.** Геополитическое измерение евразийской интеграции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.
12. **Ярар Мурат.** Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие Центральной Азии с использованием концепции неравномерного и комбинированного развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.
13. **Gabuev A., Haenle P., Mohan C., Trenin D.** Shanghai Cooperation Organization at Crossroads: Views From Moscow, Beijing and New Delhi // Carnegie Endowment for International Peace // <https://carnegie.ru/commentary/71205>.
14. **Hassan S.** The SCO Needs To Be More Than a China-Russia Front Against the West // The Diplomat // <https://thediplomat.com/2024/08/the-sco-needs-to-be-more-than-a-china-russia-front-against-the-west/>.
15. Xi and Putin set out ambitions for Eurasian security club // Euractiv // <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/xi-and-putin-set-out-ambitions-for-eurasian-security-club/>.
16. **Yermakov A.** Challenges to Eurasian Security in the Coming Decade // Russian International Affairs Council // <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/challenges-to-eurasian-security-in-the-coming-decade/>.

N.A. ISLOMOVA

Postgraduate Student, Diplomatic Academy
Russian Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russia

EURASIAN INTEGRATION IN THE 21ST CENTURY: THE ROLE OF THE SCO AND RUSSIA'S STRATEGIC PROSPECTS

This article examines the role of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in shaping the Eurasian integration architecture, focusing on Russia's strategic interests. Using the lens of international relations theories (realism and liberal institutionalism), it analyzes the contradictions between the SCO's declared polycentrism and the dominance of Russia and China. The empirical base includes case studies of the organization's expansion, trade flow statistics, and expert assessments. The results demonstrate that the SCO serves as a balancing instrument for Russia against Western alliances, but faces challenges from domestic competition. It also analyzes the SCO's potential as a key institution for Eurasian integration in the context of the emergence of a polycentric world order. The article examines Russia's role in strengthening multilateral dialogue, the conflicts between the economic and geopolitical interests of participants, and the prospects for implementing infrastructure and energy projects. Particular attention is paid to the SCO's interaction with the EAEU, security and digitalization initiatives, and challenges associated with competition within the organization.

Key words: SCO, Eurasian integration, Russia, China, security, SREB, polycentrism.